

Алла Ромашова

Преступление без наказания

Шорт-лист конкурса
детективов Литрес
"Со слов очевидцев"-2023

ИСТОРИКО
-ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ
ДЕТЕКТИВ

«серия моя Удмуртия»

Алла Ромашова

Преступление без наказания

«Автор»

2023

Ромашова А.

Преступление без наказания / А. Ромашова — «Автор», 2023

Серия убийств произошла в городе Воткинске накануне визита цесаревича Александра II во время его поездки по Российской империи. Гувернантка будущего композитора Петра Чайковского Фани Дюрбах включается в расследование, которое ведет тайный советник Лагунов. Кто настоящий преступник? На этот же вопрос ищет ответ журналистка Елена, приехавшая в городок в 21 веке. Елена со своими новыми друзьями - звонарем и художниками, пытается найти пропавшую историческую икону, знакомясь с православной и языческой историей Удмуртии. И оказывается причастной к еще одному убийству. Кто стоит за всеми этими преступлениями? И как они связаны с судьбой девушки и событиями 19 века? Писательница Анастасия Туманова о книге: "Роман не позволит читателю заскучать ни на миг. Все герои - интересны, многогранны, каждый - со своим характером и линией поведения, они вызывают у читателя самые разные эмоции - от иронии до глубокого сочувствия и сопереживания."

© Ромашова А., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Интервью	8
Глава 2. Наши дни	22
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Алла Ромашова

Преступление без наказания

Пролог

Старика звали Эштерек, в честь легендарного удмуртского богатыря. Это имя дали ему, когда племя выбирало главного жреца – торо. Тогда он еще был рослым крепышом с богатой огненного цвета бородой, из-за которой и получил звание главного жреца.

Старик обвел глазами заливной в солнечных всполохах, луг, по которому стелился утренний туман. Задержался взглядом на покосившихся срубках домов с провалами окон, мельком осмотрел частокол загона для скота. И долго, не моргая морицинистыми веками с белесыми ресницами, разглядывал могилы-холмы с деревянными столбиками, украшенными лентами и разноцветными кусками ткани.

Земля быгов грустила, провожая свой народ. Капельки росы плакали на резных листьях березы, влажная трава клонилась к земле, устрашающие головы деревянных идолов торчали над белой пеленой плотного тумана и смотрели-смотрели вдаль – туда, где по проселочной дороге двигалась вереница подвод, запряженных низкорослыми вятскими конями. Подводы растянулись вдоль вспаханного, но уже ненужного, поля, быстрой, мелководной в этих местах реки Вотки, перелеска с громадной священной елью.

Старик провел ладонью по глазам и, опираясь на посох одной рукой, а в другой держа трепыхающийся желтый комок, двинулся, слегка прихрамывая, в сторону старого кладбища на окраине оставленной деревни. Замер рядом с крайним холмом, на котором возвышался столб с тамгу¹ рода Дурга, изображающим коня. Поклонился. Откинул посох, засунул руку в складки длинной тканой рубахи, достал небольшой нож с вырезанной из кости какого-то древнего животного рукояткой, чиркнул по желтому комку. Брызнула струйка крови. Жрец дождался, когда кровь перестанет течь, положил тельце утенка² на могилу и стал что-то шептать себе под нос, изредка вскидывая руки. Затем, словно его подрубили, пал ниц на землю, затих.

Прошло довольно много времени. Караван таял вдалеке, уходя за горизонт. Нетерпеливое ржание прервало то ли сон, то ли кратковременную смерть шамана – он зашевелился, дотянулся до посоха и, помогая себе, медленно встал с земли. Эштерек громко попрощался с предками:

«Простить кушитиз но, кулэмъеслэн лулъессы. Урод уг возыы. Тон эн кельты монэ ас мылкыд, инмар но косон сямъес. Кулэмъес но, улэпъес югыт со мыным юрттоз шаерамы вите. Атае но, анае но кушиты, милемлы выжыез»³.

Закончил, опустил руки, как уронил, повернулся и побрел в сторону телеги, ожидавшей его.

Глава рода Дурга, из которого происходил и сам Эштерек – невысокий плотный скуластый удмурт Шуда, – освободил для жреца удобное место на телеге, дождался, пока старик

¹ Тамгу – родовой фамильный знак, печать, который ставился на родовое имущество, в том числе и скот. Как правило, потомок определенного рода заимствовал тамгу своего предка и добавлял к ней дополнительный элемент либо видоизменял ее. В качестве прототипа для тамги, по имеющимся этнографическим данным, выступали простейшие геометрические фигуры (круг, квадрат, треугольник, угол и др.), сакральные пиктограммы, птицы и животные, бытовые предметы, орудия труда, оружие и конская сбруя, иногда буквы разных алфавитов.

² Утка – традиционное жертвенное приношение удмуртов. Соединяет мир живых и мертвых.

³ «Простите и прощайте, мертвые души. Не держите зла. Не по своей воле покидаем мы вас, но по велению Богов. Ждите нас в стране мертвых и помогайте с того света живым. Прощай, отец и мать, мой род».

взгромоздит свое сухое тело на подстеленную ему солому, гикнул, легко ударил кнутом по крупу лошади, и подвода тронулась, догоняя остальные.

– Ничо-ничо, – приговаривал Шуда, – там тоже мягкий мох, быги-быги, даже большие, чем здесь. И пастбища нетронутые. И река рыбная. Место под дома нам выделили, торо не обидел. А постройки мы почти все перевезли, оставили самые уж старые, ненужные. Все будет, хорошо. Не грусти, старик.

Эштерек, повернув голову, смотрел в сторону кладбища, молчал. Он понимал, что уходить надо – движение времени не остановить. Знаки показали, что этой земле уготована другая участь. Несколько лет удмурты слышали странные звуки, похожие на скрежет металла: вначале у воды, потом на кладбище, а в последнее время в куале, священном месте. Так, богиня земли скрежещет зубами от боли. Сам Эштерек провел моление праматери великой воде в родовом святилище: «Великий Инмар, Великая-Небесная-вода, воршуд скажи-сообщи...». Туно⁴ довел себя до экстаза увидел ее – большую воду, затопившую деревню, – луга и пастбища вокруг. Над огромной водой возвышался железный крюк, назначение которого было жрецу непонятно. Не иначе – вылез из преисподней. Нельзя было оставаться на этой земле. Проклятая она. А утром один за другим пчелиные рои снялись и с низким гулом, задевая по дороге кустарники, углы домов, приседая ненадолго на ветви деревьев, встреченные по дороге, перебрались в соседнюю деревню, где жил брат нынешнего торо с семейством. Так и определились с местом новой жизни. Молодежь радовалась – на новом месте водились красивые девки, а парни слыли работающими. Старики грустили.

Жрец покачивал желтой от старости бородой в такт движению лошади и думал, что, покидая мертвых, люди меняют свою судьбу.

Минуло много лет. Двести раз начиналась и заканчивалась ярая студеная зима, пролетало белое незаметное удмуртское лето. И сейчас на том же холме, с которого когда-то прощался с деревней шаман, стоял граф Петр Иванович Шувалов – блистательный камергер, фаворит императрицы Елизаветы Петровны, генерал-фельдмаршал, министр. Плотный, круглолицый мужчина в парике и изящном камзоле выглядел на фоне дикого леса и поросшего бурьяном пустыря заморским попугаем, невесть откуда залетевшим в глухую удмуртскую деревню.

Солнце отражалось в серой глади воды и слепило. Прищурившись, Петр Иванович удовлетворенно рассматривал основательную плотину, расположенную по течению трех рек: Вотки, Шаркан и Березовки, – триста восемьдесят две сажени в длину – самую большую в России, ниже которой расположился железодельный завод. Его металлический скрежет доносился до места, где стоял граф.

– Алексей Степанович, – обратился граф к своему собеседнику, – на вас вся надежда, только вы можете управлять народом. Вы строили плотину, вам и продолжать.

Рядом с графом возвышалась длинная и худая фигура горного инженера, основателя Воткинского железодельного завода гиттенфервальтера⁵ Москвина.

– Правда говорят, что вы лютуете и немало людей положили при строительстве водохранилища. Русские крестьяне хоть и в вечное пользование приписаны, но... императрица безосновательного жестокого обращения с народом не любит. Недовольства и среди вотяков⁶ могут быть, все такое.... Будьте, э-э-э, ...поаккуратнее, что ли. Говорят, что удмурты – язычники, могут и порчу навести. Вам это надо?

⁴ Если торо был главным жрецом, который сам в обрядах участие принимал редко, больше следил за порядком, то туно – гадатель, предсказатель, колдун. Умеющий определенным образом воздействовать на природу, человека и животных, а также люди, знавшие «язык зверей, пчел, огня, крови». Звание туно, как правило, передавалось по наследству, от отца к сыну.

⁵ Горный чиновник 10-го класса (нем. huttenverwalter, от hutte – «плавильня» и verwalter – «управляющий»).

⁶ Уничжительное название удмуртов

– *Петр Иванович. Вы же меня знаете, я не в порчу, а в кнут верю. Как можно построить в такой короткий срок плотину, да еще подготовить почву, чтобы держала воду? Разве можно создать глиняную чашу на такой большой площади, не положив нескольких крестьян? Это все беглые воду мутят,* – Москвин ухмыльнулся невольному каламбуру и продолжил: – *Кто работал – тех наградили, а кто ваньку валял, – ну, что поделаешь? Народ здесь ленивый, работать не хочет.*

– *Однако, императрица нами довольна. Да-с. Так что можете приступать к работе управляющего завода с завтрашнего дня. Выделяю вам жалование в сто рублей в год и два десятка крепостных. Казенную квартиру для вас уже подготовили. Жена ваша, насколько мне известно, назначением довольна. Так что, с Богом. И вот еще, надобно храм построить, а то непорядок: поселок есть, завод есть – храма нет. Не хотят сюда мастера из крупных городов ехать. Удмуртам-то понятно, храм не нужен. Но если мы хотим, чтобы завод процветал, приносил прибыль, надобно нам и их к христианству приучать. А то вон уже сколько лет с ними маемся, а толку чуть. Вроде и покрестились, а все норовят свои обряды провести да Христа, как божка какого, в ряд со своими идолами поставить. Не дело это. Порядок нужен. Я и икону привез. С месяц как обрели мощи святителя Ростовского митрополита Димитрия, а образ уже написан. Успеем быстро храм построить – первым в его честь станет.*

– *Будет сделано, Петр Иванович! Храм построим. Только попа пришлите,* – Москвин пнул ногой голыш, тот покатился с горки, набирая скорость, плюхнулся в воду, пошли круги, задрожали в солнечном свете и затихли. Пруд стоял во всей красе: огромный, новорожденный. Гладь замерла. Сосны по берегам тянулись с первобытной силой в небо, отражаясь в поверхности большой воды.

Так зарождался рабочий город Воткинск.

Глава 1. Интервью

По старенькому телевизору шла передача «Читают артисты». Иногда на мутный экран неожиданно падал солнечный луч, пробившийся сквозь серые тучи и проникший в узкий лаз посреди морозного узора, оплетшего оконце. Тогда становилось совсем невозможно различить, что показывают на экране, только звенел восторженный голос ведущего, рассказывающего о новинке – романе, который недавно взлетел в рейтинге хитов продаж.

В столовой кризисного центра для людей, попавших в тяжелую жизненную ситуацию, было жарко. Батареи топили на полную. Середину светлой комнаты занимал длинный деревянный стол, покрытый пестрой клеенкой с веселеньким узором, вдоль него стояли деревянные же скамьи. Кроме старенького телевизора, в красном углу не было никакой мебели. На столешнице дымились миски с наваристым супом, лежал крупными кусками порезанный серый хлеб.

Входная дверь открылась, впустив облачко молочного пара. Переминаясь с ноги на ногу, на пороге остановились несколько мужчин в латаных, не со своего плеча, куртках и в видавших виды ботинках. Фигуристая повариха, которая раскладывала по тарелкам второе – овсяную кашу, плавающую в жирной подливке – сквозь зубы приказала вошедшим снять верхнюю одежду. Те нехотя послушались, расселись за столом и по команде – взмаху половником – жадно набросились на еду. Несмотря на то, что желающих поесть в тепле нормальной горячей еды было в десятки раз больше, чем присутствующих, за столом разместилось только восемь едоков – столько могла прокормить бесплатная благотворительная столовая за день. В столовую ходили по расписанию – раз в четыре-пять дней, а то и реже. Но все равно это было лучше, чем целый день оставаться с пустым брюхом и ждать вчерашней еды от сжалившихся поваров вокзальных забегаловок.

Горбатый удмуртский мужичок, который пьяным замерз однажды на дороге до полного обморожения рук, пил суп из кружки, шумно втягивая его ртом. Старуха со спутанными седыми волосами и землистой кожей, утверждавшая, что ей двадцать пять лет, торопливо заглатывала обжигающее варево. Бойкий подросток лет четырнадцати ел с явным удовольствием, как и полагается в его возрасте, и жадно поглядывал на соседние тарелки. Слепой кавказец, пережевывая еду, стучал ложкой по краю тарелки, по привычке отгоняя тех, кто решит воровать из его миски. Рядом с кавказцем примостилась на самом краешке скамьи, словно собираясь встать и уйти, довольно крупная и явно следящая за собой женщина, которая совсем недавно попала под теплотрассу и никак не могла привыкнуть к новой жизни. После смерти мужа Татьяна собиралась переехать в Москву к сестре, но на вокзале вдову ограбили, забрав все вырученные от продажи квартиры наличные и паспорт. Без документов в полиции заявление об ограблении не принимали. Банк не выдавал пенсии. Детей и родственников у Татьяны не было. Мужу подруги быстро надоела приживалка, и старинная приятельница, отводя глаза, попросила Татьяну съехать, сунув ей в руки конверт с пятью тысячами – суммой, значительной для их городишка. Татьяне этих денег хватило ровно на пять дней – ночлег без паспорта обошелся в семьсот рублей за ночь, скромная еда – еще триста в день. А когда деньги кончились, женщина с сумкой пошла на вокзал, где и познакомилась со слепым кавказцем. Тот пел про горы, горячий ветер, чернобровых женщин. Люди, спешащие на междугороднюю электричку, останавливались, зачарованно вслушиваясь в раскатистые звуки и экзотическую мелодию, рылись в карманах, бросали мелочь в шапку, застенчиво положенную на плиточный пол. Кавказец, даром что слепой, услышал, что кто-то поставил рядом на пол сумку и стоит, не уходит. Прошел час, другой, Татьяна робко переминалась с ноги на ногу. Мужчина уже понял по негромким вздохам, что рядом с ним женщина, еще не старая. Закончив петь, повернул лицо к Татьяне и поинтересовался: «Ну что, красавица! Пойдешь за меня? Счастливой жизни не обещаю, но теплый угол обеспечу».

И действительно, конура под теплотрассой оказалась вполне сносной – кавказец был с руками, деловитый. Десять лет назад взрывом разметало в щепки его дом в Царча. Погибли все: жена, трое детей, родители, сестры. Только он чудом выжил. Уехал далеко-далеко – в Россию. На алкогольном заплыве в вечность потерял зрение. И совсем уже было ушел в черное царство небытия, но что-то задержало его, вернуло из цепких лап спиртового болота. Как-то проснувшись, облеваный, Мизан четко осознал – сдохнет. Умрет, попадет на небеса, как сможет посмотреть в глаза жене, детям? И эта мысль перевернула его сознание: больше он ни капли спиртного в рот не брал. Обустроил фанерную халупу рядом с теплотрассой. Нашел способ зарабатывать на жизнь – с детства хорошо пел, это умение ему пригодилось. Когда-то мальчишкой он даже ходил в музыкальную школу.

Он до сих пор помнил запах спелых, сизых с красно-желтыми волокнами слив, с треском шлепающихся об асфальт в первые осенние деньки. Днем еще жарко и солнце парит так, что хочется лишь сидеть в тенечке под старой шелковицей, как дед Азиз... Вместо этого приходилось плестись в старый барак, отданный под музыкальную школу. Еще при подходе к манящему прохладой двухэтажному зданию слышались звуки музыки: плескалось нотами фортепиано, скороговоркой перекачивалась и вдруг замирала на сложном месте мелодия... Музыкант осторожно, словно идя по хрупкому льду, нащупывал верный звук, и этюд катился дальше, перепрыгивая с одного волшебного звучащего места на другое. А потом вступал тонкий дрожащий голос.

Он плакал о всех, не понимающих красоту мира, потерявшихся в обидах, ссорах, вранье, о тех, кто не родился, о тех, кто умер, и о тех, кто только думает, что живет.

«Что это?» – спросил маленький Мизан маму.

«Это ачарпыне – флейта, голос нашего народа», – ответила мать.

С того первого момента, когда Мизан услышал ачарпыне, она стала его самой большой любовью. Мизан учился играть на флейте с такой страстью, с какой у седовласого, влюбленного в музыку преподавателя не учился никто. Они на пару, ученик и учитель, пропадали в школе, разбирая этюды, ставя дыхание и пальцы. Но, когда Мизан закончил музыкальную школу, стало не до музыки. Настали тяжелые времена. Пожилые родители растерялись при новом строе, потеряли старую, ставшую не нужной работу, а на новую устроиться не смогли. Мизану приходилось работать с утра и до позднего вечера, чтобы прокормить себя, сестер и отца с матерью. Учитель умолял продолжать обучение, ехать в Москву, поступать в консерваторию, участвовать в конкурсах. Но Мизан понимал: кроме него, некому кормить семью. Он быстро заработал первый капитал на ночных вылазках на товарняки с нефтью, открыл свой кооператив, поднялся. Построил дом, женился, завел хозяйство. А потом началась война, вмиг разрушившая все, что у него было. Его даже не призывали в армию, не просили определиться с позицией и сделать выбор, на чьей он стороне. Выбор сделала бомба, упавшая в его дом днем, когда Мизана не было дома...

Еще за столом сидел интеллигентного вида мужчина в потертом драповом пальто и круглых очках с единственной дужкой, из-за чего казалось, что на его тонком крючкообразном носу приклеено пенсне. Рваная щетина покрывала впалые вытянутые щеки. Его глаза выглядели маленькими и растерянными за миопийными стеклами. Но взгляд был сосредоточен, словно человек без конца решал про себя трудную математическую задачу. Имени своего интеллигент не знал: потерял память, документов не имел. Представлялся по вымышленной фамилии: Коровьев. Судя по его манере витиевато выражаться, был он когда-то преподавателем или чиновником, хотя мог оказаться любящим книги и чтение менеджером среднего звена. Рядом с Коровьевым сосредоточенно хлебал суп высокий, спортивного телосложения, молодой парень.

– Володя, второе едят вилкой, – заметил ему Коровьев, когда крепыш с ложкой в руке потянулся к тарелке с кашей.

«Спортсмен», однако, на замечание не отреагировал, зачерпнул побольше каши и отправил в рот. Ел он быстро, но аккуратно. Время от времени опускал руку, чтобы проверить, на месте ли что-то очень ценное для него, что лежало в левом кармане брюк. Съев все, корочкой хлеба «огладил» тарелку. Положил ложку. Согревшись, снял наконец убогую мохнатую шапку из слипшегося искусственного меха. Шевелюра его переливалась рыжиной. Возможно, настоящий цвет его волос был ярким, как пламя. А может быть, обычным, русым. Чтобы это выяснить, мужчину надо было отмыть. А в помывочную можно было попасть бесплатно только раз в месяц – когда городская баня устраивала благотворительный день, оплачиваемый одним частным фондом.

После супа торопиться было некуда: голодный спазм прошел. Сейчас важно было остаться до самого конца, набраться тепла, чтобы надолго хватило, дожидаться, когда отпустит внутренний холод, который, казалось, сковал само сердце. На улице – минус двадцать. А здесь – благодать. Идти ему некуда. С работы звонаря, где давали угол, уволили. А в сторожку охранника на лесозаводе он попадет только завтра, в свою смену. Еще сутки кантоваться в укрытии под теплотрассой вместе с такими же, как он, бедолагами.

Мужчина прикрыл глаза, от тепла и еды потянуло в сон. Вязкое облако беспорядочных мыслей заволокло мозг. Сноп света, прыгнувший на темнеющую обочину, черный силуэт, глухой удар, тело, проскользившее по капоту, чей-то ботинок, разбивший лобовое стекло – прямо около лица. Белые костяшки рук, вцепившиеся в руль... И острая боль... кровь, везде кровь...

По телевизору шла какая-то передача. На мутной линзе появилась симпатичная девушка лет двадцати пяти-тридцати (кто сейчас может с точностью определить возраст дам?). Ухоженная леди в костюме такого ярко-синего цвета, что его можно было различить даже на пошарпанном аппарате. Зазвенел женский голос. Заснувший было Володя вдруг резко дернулся во сне, вскинул голову и замер, уставившись в красный угол. Он внимательно вслушивался в голос, который, как назло, все время перебивала шумная повариха, подгоняющая обедающих. Не отводя взгляд от экрана, Володя встал с места и подошел к телевизору почти вплотную.

Популярный журналист с короткой запоминающейся фамилией брал у девушки интервью. После приветствий и шуток разного калибра он перешел к теме передачи:

– Позвольте представить нашей аудитории Елену Шмуляк – популярную писательницу, автора романа-детektива «Большая вода», в котором персонажами выступают люди, окружавшие известного русского композитора Петра Ильича Чайковского в самый важный и ответственный период формирования таланта – в детстве. Елена – молодой автор. В прямом и переносном смысле, так сказать, – ведущий радостно засмеялся над своей незамысловатой шуткой. – Несмотря на свой возраст и отсутствие писательского опыта она поставила для себя грандиозную задачу: написать увлекательный роман о природе гениальности. Ее произведение стало сенсацией. Роман «Большая вода» отмечен многочисленными премиями. Кто бы мог подумать – какой старт писательской карьеры!

Ведущий развернулся к писательнице:

– Наверное, вас часто просят рассказать о том, как и когда родилась у вас идея романа?

– Здравствуйте! – лицо девушки осветилось мягкой улыбкой, озарив пространство вокруг себя. Ее приятный обволакивающий голос проник в комнату, где кормили обездоленных. Стало еще теплее и светлее.

– Да, это популярный вопрос. Идея романа пришла ко мне неожиданно. Это случилось во время моей командировки в провинциальный, затерянный в недрах России городок Воткинск.

Бомж еще подался вперед. Весь превратился в слух.

– Пару лет тому назад я оказалась в составе бригады художников, расписывающих Благовещенский храм Удмуртии – тот, в котором крестили композитора Чайковского. Мы обнаружили старые, истертые росписи на разрушенных стенах, которые в советские времена почти все были утрачены. Я много узнала тогда о глубинке Удмуртии, о местных традициях и позна-

комилась с удивительными людьми, которые силой своей веры могут сами творить чудеса, возвращая к жизни картины, иконы. А ведь на это тратятся годы! Я как раз писала заказную статью о семье Чайковского для журнала, в котором работала. Информации, которую я насобираала в экспедиции, оказалось так много, что ее хватило на целый роман. Мне почти не пришлось ничего делать – просто перенести на бумагу то, что я видела, о чем слышала.

– Не скромничайте. Ваш роман получил множество положительных рецензий. Этого бы не случилось без явного таланта.

– Или явного везения, – возразила девушка. – Мой роман попал в обойму случайно.

– Как говорят критики, вы смогли вскрыть истинные причины гениальности. Причем не только Чайковского, но и любого талантливого человека. Некоторые психологи и даже психиатры, такие как, – журналист перечислил несколько громких фамилий, – соглашаются, что выводы, которые вы сделали в своем романе, приближены к правде. И даже говорят об открытии родовых условий появления одаренности, что позволяет предположить, что не за горами то время, когда в клетку обычной человеческой ДНК можно будет внести точечное изменение, чтобы вырастить гения.

– Когда я писала роман, я об этом не думала. Мой роман не о Чайковском. Но в нем я постаралась передать атмосферу того времени и места, описать те события, которые могли происходить с людьми, окружающими маленького гения. Важен личный опыт человека: сказки, которые рассказывала ему на ночь няня; песни, которые слышались за окнами; его собственные детские страхи и потрясения. Все оказало влияние на формирование маленького человека. А еще, говорят, некоторые психические заболевания тесно связаны с гениальностью. Чайковский, как и его дед, страдающий эпилепсией, частенько погружался в «сумеречное состояние», предшествующее припадку. Так случилось, что на родине Петра Ильича мне довелось повстречаться с людьми невероятно талантливыми, но при этом носителями того же заболевания, что и у самого композитора.

– Наверное, поэтому некоторые сцены в романе вышли такими реалистичными, – вставил ведущий.

– Наверное, – легко согласилась Елена.

– Спасибо за ваши ответы! Было интересно узнать историю создания романа. А сейчас я передаю микрофон Александру Лесину, любимому многими нашими зрителями артисту и режиссеру, который прочтет для наших зрителей стихи поэтов Серебряного века.

Камера поползла по залу, заполненному картинно улыбающимися людьми, и остановилась на кресле в первом ряду, в котором благодушно раскинулся знаменитый актер. Вдруг в микрофоне раздался робкий голос девушки-автора:

– Позвольте добавить еще пару слов? – камера подпрыгнула и опять показала неожиданно взволнованное лицо девушки.

– Конечно, – удивленно пробормотал ведущий.

Девушка продолжила:

– Я хотела поблагодарить тех людей, которых повстречала в Воткинске. Они чудесные. Простые и сложные одновременно, духовные и душевные. Я скучаю по ним.

Ведущий еще что-то говорил, завершая интервью, жал девушке руку, прощался, так, чтобы уже наверняка. К микрофону пригласили актера, который тут же вошел в роль, гребенкой руки разлохматил белокурую гриву волос и, приосанившись, начал декламировать переличатый стих.

Передача закончилась. «Спортсмен» отошел в угол и присел на отдельно стоящий стул. На экране поползли титры, затем забубнил монотонный голос ведущего новостей:

«В эфире новости Удмуртии. Сегодня в Воткинске произошло событие, всколыхнувшее православный мир. Неизвестные похитили икону 1750-го года святителя Димитрия Ростовского, которой был освящен город и завод. Полиция считает произошедшее не кражей, а

актом вандализма, так как сама доска осталась нетронутой, исчезло только изображение, что, на самом деле, невероятно. Прихожане видят в этом предзнаменование конца света. Полиция ищет свидетелей происшествия. Напомню, что это второй случай, когда в Благовещенском соборе исчезает чудотворный образ. Первый случай произошел около года назад. Тогда была украдена икона Спасителя, входящего в триптих исторических икон города Воткинска и Удмуртии. Эта икона была подарена Благовещенскому храму графиней Козыревой, дальней родственницей ижевского градоначальника Ивана Александровича Нератова в 1845 году. Третья знаменитая икона – чудодейственная икона Владимирской Божьей Матери, которой крестили будущего композитора Петра Ильича Чайковского – нашего земляка и которая явила Чудо – спасла от смерти его маленького брата, находится в безопасности на реставрации».

На экране возникло встревоженное лицо священника, призывающего народ не поддаваться панике и не верить в мистику.

Коровьев перестал есть, внимательно выслушал новость и задумался, стараясь вспомнить что-то важное. Великан-бомж из своего угла речь диктора не услышал. Он достал аккуратно завернутую в газетную обложку книжку, перевернул первую страницу, задержав взгляд на фотографии автора. Мелькнуло облако волос и овал нежного лица. Перекинув несколько листов, он остановился и углубился в чтение, ничего не замечая вокруг.

Елена Шмуляк

Роман «Большая Вода»

Глава 1

«– Ишь ты... Но-о! А, чтоб тебя! – мускулистый рыжий парень в белой рубахе с развязанным воротом пошлепал по морде статного коня каурой масти. Ссыпал в ясли шелестящий овес. Жеребец потянулся к зернам, подрагивая теплыми ноздрями, втягивая воздух. Пахло терпким разнотравьем.

– Хороший, мака... – конюх гладил по морде лошадь.

Она, пофыркивая, мягкими губами осторожно брала зерно горсть за горстью. Шелковая шерсть лошади лоснилась. Грива была вычесана волосок к волоску. Мускулы перекатывались под нежной кожей. Они были похожи – конюх и конь – оба молодые, нетерпеливые. Оба рыжие с вычерченными формами, мышцами, жилами, большими глазами и животным норовом.

Янтарь наелся и развернулся к конюху. Ткнулся мордой в плечо и тихонько заржал.

– Ладно-ладно, уговорил.

Казалось, они понимали друг друга без слов.

Мужчина положил на коня седло, перекинул стремяна, мягко провел сквозь нервные губы удила. Янтарь нетерпеливо переминался с ноги на ногу. Ждал ветра, бьющего в ноздри, движения. Конюх вывел лошадь во двор, где в выгребной куче, в навозе, от которого поднимался пар, копошились куры, громко ссорились воробьи. Легко вскочил на коня, мгновенно слился с ним и помчал по дорожкам усадьбы, напугав хромоногую бабку Устинью, шедшую со двора с ушатом. Немного поджав бока лошади стремянами, перевел Янтаря в прыжок-полет, перемахнул жердяную изгородь, окаймляющую усадьбу, взял в галоп. Копыта коня выдирали молоденькую травку из рыхлой жирной земли и оставляли глубокие следы, быстро наполнявшиеся талой водой. Рыжий человек и рыжий конь слились в одно целое. Казалось, это святой Георгий скачет верхом. Получеловек-полуконь повернул обратно к усадьбе, замедлил бег. Василий скатился с лошади, скинул рубаху и отер с коня пот. Не торопясь, повел Янтаря к главным воротам усадьбы, вошел во двор.

На крыльцо господского дома вышла миловидная девушка лет семнадцати в белом простом платье и переднике. Она, сложив ладошку козырьком и прислонив ко лбу, против солнца смотрела на дивную пару: загорелого мускулистого конюха и рослого под стать ему коня.

– Милая сердцу Онисья, привет тебе! Нас ждешь? Покатать? – лицо Василия светилось радостью. Парень поигрывал мускулами, глядя на девушку.

Онисья состроила строгую физиономию и таким же строгим голосом ответила:

– Ох, Василий, тебе бы все шуточки. А вот тебя кличут казаки встречать хозяина. Поедешь или нет?

Василий сразу поджался:

– Дуреха, конечно, поеду. Я, считай, главный конюх. Сейчас что ли?

– Ну да, у нас такой переполох в доме. Все прибираем. Ждем-с, -девушка невзначай повернулась в профиль, продемонстрировав мягкую розовую щечку. Василий, недолго думая, взбежал на крыльцо, обхватил стан горничной и расцеловал прелестницу. Она даже ойкнуть не успела.

Василий отпустил девушку, кинул поводья подошедшему невысокому и плюгавенькому человечку, второму конюху:

– Федь, поддержи, я рубаху поменяю.

Онисья одернула платье, погрозила кулачком рослому парню. Было видно, что она не злится. Повернулась, фыркнула и вбежала в дом, грохнув дверь. Маленький человечек посмотрел ей вслед. Потом повернулся к Янтарию и с удовольствием стал гладить коня по крупу.

Василий зашел в денник, кинул мокрую рубаху в угол на свой сундук и натянул свежую, сохнущую здесь же под козырьком крыши.

Удивительной судьбы был этот молодой человек. Родители его умерли от горячки, которая косила десяток лет назад удмуртский край. В восемь лет мальчишка остался один. Его взял к себе в дом дядька, который служил при управляющем заводом главным конюхом, и Василий стал помогать с животными. Работа у него спорилась. Мальчишка чистил денники, купал жеребцов, вычесывал. Делал все легко, с удовольствием, как будто родился с призванием взращивать коней. Васька оказался общительным, смелым и быстро прижился при дворе. По просьбе барыни, сдружился с болезненным барчуком на год младше себя, сделался его товарищем по играм, научил верховой езде. Хозяйка радовалась влиянию Васьки на сына: тот в присутствии крепостного мальчишки становился храбрее. Когда наступила пора школьных занятий, барыня предложила Василию приходить на уроки. Так крепостной Васька научился читать и писать. Особо поразили парнишку уроки географии. Как-то, рассказывая про Кавказ, учитель обронил, что ежегодно в Тифлисе проводят международные скачки. Увидев, как загорелись у мальчика глаза, учитель оставил его после урока и рассказал о скачках все, что знал сам. С того дня у Василия появилась цель в жизни – добраться через Москву или Санкт-Петербург и далее, до Тифлиса, где проходили те самые скачки, выставлялись лучшие кони, выигрывались и спускались состояния. Через несколько лет управляющий сменился, молодой барин уехал с родителями в Санкт-Петербург, и Василию пришлось оставить учебу. К этому времени Ваське было уже тринадцать. Он стал незаменимым помощником на конюшне, а еще через пару лет получил место второго конюха. За веселый нрав его любили все дворовые. Девушки с удовольствием танцевали с ним, выделяя из толпы парней. Казалось, весь город ходил у него в друзьях.

Но особенно Василий был близок с иконописцем Андреем, юродивым. Дружили с малых лет. С тех самых пор, как Василий прогнал деревенских мальчишек, у которых была забава – швырять камнями в сироту до тех пор, пока тот не забьется в падучей. Однажды Васька увидел, как травили юродивого, и разогнал шайку-братию, пригрозив, что в следующий раз возьмет хлыст и отходит тех, кто с первого раза не понял. Василия уважали, знали, что слово сдержит. После того случая мальчишки от Андрея отстали. Андрей же, как только в себя пришел, взглянул своими голубыми глазами на Василия и сказал: «Спаси тебя Господь, до самой моей смерти теперь быть тебе моим хранителем».

Родители Андрейки и младшая сестренка погибли во время деревенского пожара, когда сам Андрей был в церкви. Родственники отдали мальчонку в монастырь послушником. Андрей

прикипел душой к монаху, которого настоятель благословил писать иконы. Вначале мыл полы в его мастерской, потом чистил кисти, готовил краски. Андрейка мог часами тереть минералы, чтобы добиться нужной консистенции красящего порошка. По шесть часов без перерыва мог мять золото с гуммиарабиком⁷ Когда подрос, ему стали доверять подготовку досок для икон: строгать, сушить, наносить рыбий клей, варить левкас⁸, шкурить. Доски получались ровные, аккуратные. А после Андрейка уже и сам стал работать красками. Вначале по прописи цировкой⁹ переносил будущий рисунок иконы, потом обводил железной краской, раскрывал в цвете. Расписывал, золотил. Прошло два десятка лет, и мальчик стал настоящим иконописцем. Богомазом, как говорили простолюдины. Андрею выделили мастерскую рядом с городской церковью. Там он и жил, помогал на службах. Люди его подкармливали, любили. Его болезнь и неожиданные припадки закрепили за мальчиком нехитрую славу презренного, ума лишенного. Юродство Христа ради в России почиталось за подвиг. Иконы у юноши получались духовными, бесстрастными, взирающими с пониманием и прощением на людей. Так и Андрей прощал своих обидчиков и насмешников.

Ваське нравилось заходить в мастерскую художника и наблюдать за тем, как рисует мастер. Иногда Андрей вскидывал на Василия глаза и громко вещал: «Быть убитым, быть убитым». Кому быть убитым, узнать не получалось. Когда Андрейка опять говорил эту фразу, Василий отвечал: «Чему быть, того не миновать». Странная это была дружба: Василий, не верящий в Христа удмурт, и Андрей блаженный, разговаривающий со своим Богом, как с живым, начинающий день с молитвы, и ей же заканчивающий. Строго говоря, язычником Василий не был, потому что, как и все жители села, принял крещение. Как-то согнали всех на центральную площадь. Вышел поп. Что-то побубнил себе под нос. Затем староста зачитал вслух бумагу, в которой значилось, что все деревенские теперь – христиане, и каждому присвоено новое имя, которое надлежит использовать взамен старого. Старики даже и не поняли ничего: кто не слышал, кто по-русски не понял, а кто понял – сделал вид, что не согласился. Велели в куалу¹⁰ не ходить, своим богам не молиться, посещать церковь. Староста сам был не рад тому, что читал. Огласил грамоту, свернул, отдал господам офицерам. А сам тихонько плюнул в сторону и затерялся в толпе. Василий тогда маленький был, откликался на имя Кайсы. Новое русское имя ему понравилось больше. Так и стал удмуртом с русским именем.

Иконописец обладал даром предвидения. Говорил о том, что ему являлось, иносказательно, чтобы и не пугать людей открывшейся правдой, и заставить задуматься. Он мог во время службы закричать на весь храм, что монах, ведущий службу, накануне в постный день водку пил. Вроде и рассмешил всех, но монаху указал, что грех его Богу виден. Или перед причастием схватить за руку человека и вытянуть его из очереди со словами: «Тебе нельзя, тебе нельзя, ты ж про воровство не исповедался!».

К его словам прислушивались. Иногда нарочно приходили за предсказаниями, но тогда парень молчал, ничего из него нельзя было вытянуть. А иногда сыпал на людей словами. Главного инженера, молодого офицера Москвина, при встрече называл бабником. Местного конюха Федора ругал по чем свет иродом, главного полицеймейстера как-то обозвал шкурой продажной и убийцем и потом не раз это повторял. Люди смеялись, передавали услышанное из уст в уста.

Была у друзей общая страсть: оба любили животных. Василий часами рассказывал убогому про свою мечту: заняться разведением коней орловской породы – и про любимого коня Янтаря. А Андрейка на эти рассказы отвечал: «Всякое дыхание славит Господа», – рассыпая

⁷ Золотая краска шла для росписи иконы. Гуммиарабик – смола, применяемая как связующее для изготовления творенного золота, используемого для росписи иконы. Используют, как правило, смолу арабской акации.

⁸ Материал из натурального мела и клея, применяемый как основа в иконописи.

⁹ Острый, как игла, инструмент для переноса рисунка.

¹⁰ Куала – отдельно стоящее у удмуртов строение для моления и приношения жертв, с земляным полом и очагом.

крошки по полу. «Для домашнего мыша», – говорил он, расплываясь в улыбке. Мышонок у него был дрессированный, ходил за кусочком хлеба на задних лапках и прибежал по зову-свисту.

На развозе, где дорога в Пермь разделялась на две, стоял небольшой отряд казаков. Невысокие, в синей форме, с красно-черными погонами и красными лампасами на штанах, они смотрелись ладно на низкорослых местных лошадаках. Среди них выделялся Василий в белой рубахе и черном подпоясанном армяке на высоком, янтарного цвета коне.

Мужики переговаривались. Один из казаков с седыми усами обращался к молодому наезднику:

– Г'ришь, стрелецкой породы? А отец – арабский скакун? Ох и врун ты, Василий. Откуда у нас тут арабы?

– Глеб Петрович, право слово, не вру! Сколько раз говорил, Янтарь со стрелецкого завода. Есть такой на Кавказе. Ты про Кавказ слыхал? Там не то, что кони рослые получают, там яблоки с твою голову вырастают. Его мать – стрелецкая, белая с молоком, а отец – настоящий арабский скакун. Золотой конь. Цветом, как гречишный мед у деда Назара. Вот Янтарь и вышел таким красавцем. Хоть сейчас на выставку. Его прошлый глава Федор Иваныч сосунком привез. Всю дорогу из розжка выпаивал. А я ему и мамкой, и тяткой стал.

Казаки заржали:

– Слышь, лошадиный батя, и чо ты со своим конем в нашей глуши делать будешь?

Василий загрустил. Задумчиво потрепал коня по холке.

– А вот и будем. Да, Янтарь? Не здесь, конечно! Мы в Москву поедem. А оттуда еще дальше – на Кавказ. Там за раз можно целое состояние выиграть.

– Свистишь ты, Василий! Кто ж тебя отпустит? Или ты свободным стал? Про коня и речи нет! Ты ему хозяин, что ли? Так, принеси-отнеси, помой-причеши.

– Тьфу, – сплюнул Василий. – Всю душу истоптали.

– Едут! – закричал казачок, который смотрел за дорогой.

Казаки выстроились в ряд. Из-за поворота показались дрожки, запряженные упряжкой супругов¹¹.

В дрожках сидел видный мужчина с богатыми усами и лихим чубом, выбивающимся из-под темно-зеленой фуражки с черной отделкой. Это был Илья Петрович Чайковский, новый Горный начальник Камско-Воткинского округа и железодельного завода. К упряжке подъехал слегка полноватый молодой офицер лет тридцати в военной форме горного инженера, в кафтане из синего сукна. Он приновил шаг лошади к ходу экипажа и, качнув треуголкой, отрекомендовался:

– Разрешите представиться, горный инженер первого ранга Москвин Алексей Степанович. Приветствую Вас на новом месте. Рад служить и помогать Вашему Превосходительству.

Илья Петрович улыбнулся, коснулся головного убора, вокруг его глаз рассыпались веселые морщинки:

– Спасибо, что встретили, голубчик! Наслышан о Вас! Династия Вашей фамилии на заводе впечатляет. Столько лет верой и правдой служить Отечеству!

– Ваше Превосходительство, Вы меня смущаете. В том, о чем Вы говорите, нет моей заслуги. Мой прадед, действительно, строил плотину и был первым управляющим завода, дед и отец пошли по его стопам, выучились на горных инженеров. Так что моя судьба, как говорится, была предопределена. Однако я не ожидал назначения в Воткинск. И вот уже третий год здесь.

– Звучит так, словно Вы не рады. Что же не так в нашем славном городе? Рассказывайте подробно!

¹¹ Супругами называют двух лошадей, впряженных в одну упряжку.

– Все так, Ваше Превосходительство! Конечно, после Санкт-Петербурга, город кажется тихим, стоит на отшибе. Но вот беда: ни денег, ни технологий. Работаем по старинке. Вся надежда на Вас, авось встряхнете наше унылое болото.

Москвин врал, чтобы угодить новому начальству. На самом деле завод работал хорошо, а готовую продукцию забирали прямо от ворот.

– Встряхну-встряхну, – энергично покачал головой Чайковский. – Планов много. Помощники нужны. С рабочей силой как дела обстоят?

– Инженера у нас подобрались сильные. В основном иностранцы. С десяток англичан. А вот с рабочими беда: от работы отлынивают. Приходится казаков по деревням пускать, чтобы мужиков на завод собрать. Люди не хотят, сопротивляются. Встречаются и подлые, и разночинцы всякие. Зимой изнасиловали и убили девушку казенную. Она прислуживала в доме у Вашего предшественника. Средь бела дня задушили, прямо рядом с церковью, и никто ничего не видел. А удмурты своих вообще никогда не выдадут, скрытные. Вот с таким человеком работать приходится. Однако что-то я не о том. Печень пошаливает, когда накануне переешь, – разоткровенничался инженер, – Я в такие дни желчный становлюсь... Вам бы с дороги стоит отдохнуть. А я Вас сразу в омут, так сказать.

– М-да, Алексей Степанович, что-то Вы ипохондрически настроены. Однако уверен, что сумею Вас порадовать. Намерен я расшевелить ваш провинциальный городок. Внедрим современную науку, пудлинговое¹² железо начнем лить. Откроем новые направления. Думаю, корабли начнем строить и на воду спускать. Как Вам такой подход? Наладим работу школ, госпиталя, найдем, кто убил крепостную, – глядишь, и люди в нас поверят. Конечно, ваши навыки и опыт работы с местным населением мне очень и очень понадобятся. Крепко я на Вас, голубчик, надеюсь. Миленький, как же я рад с вами лично познакомиться!

Последние слова не вязались с положением начальства, но были сказаны от всей души – Илья Петрович был человеком добродушным, искренним. Любил всем своим широким сердцем и сразу принимал незнакомого человека в круг ближайших друзей. Бывало, разочаровывался, но это – после. Вот и сейчас он не сдержался.

Однако молодой человек словно не слышал обращенных к нему ласковых слов. Он, как будто впервые в жизни, смотрел на впадавшую в водохранилище скудную речушку, большие похожую на ручей, и пытался представить на ней громадные корабли.

Надо рассказать, кто таков был горный инженер Алексей Степанович. Служил он больше по инерции, не горел. Его настоящей жизненной целью было удачно жениться, взять за женой приданое и уехать из Воткинска в Санкт-Петербург уже не провинциальным служакой, а состоявшимся чиновником, со своим домом и хозяйством, на худой конец – квартирой. Хотелось бы, чтобы невеста была девушка достойная, но без капризов. Москвин рассуждал так: красивой жена быть не обязана, наоборот даже, а вот любовница... При этой мысли у Алексея сладко сосало под ложечкой. В своих мечтах он часто представлял себе Санкт-Петербург и удобную, как домашняя тапочка, жену. В самых смелых картинках рисовалась она – его личная любовница, роскошная и волнующая женщина. Что касается службы – спокойную бы, не пыльную. А здесь новый начальник такие планы затевает. О спокойствии можно и не мечтать. Хотя... Алексей Степанович задумался. Но ведь, если все выгорит (чем черт не шутит), то и на повышение можно пойти.

– Ваше Превосходительство, я, конечно, человек маленький, поставлен, так сказать, порядки соблюдать – в этом я Вам помогу. А вот сказку в быль превратить – при всем моем уважении, я не помощник. Ну разве что завтра случится чудо, и к нам придет император.

Илья Петрович вскинул брови домиком, засмеялся:

¹² Железо, производимое из чугуна по специальной технологии. В нем мало примесей, оно крепче и пластичнее. Работа пудлинговщика была очень тяжелой.

– Кто знает? Неисповедимы пути Господни! Предлагаю Вам пари, что кораблям – быть! А пока Вы будете думать над моими словами, вернемся к делу. Жду Вас завтра с подробным докладом в восемь утра. Не забудьте плановые показатели прихватить и отчет по выполненным работам. И вызовите ко мне с утра господина полицмейстера. А сейчас возите меня в дом. Устал-с с дороги.

Илья Петрович Чайковский прибыл в город один. Его семья застряла в Нижнем Новгороде – младшая дочурка разболелась дорогой.

В ожидании любимой супруги новый горный начальник использовал время с пользой. Он познакомился с главными управляющими городка: полицмейстером, настоятелем храма и главным врачом. Провел первые совещания с начальником производства, главными инженерами. За пару недель организовал ревизию на заводе, подготовил план работ и даже вызвал из Санкт-Петербурга иностранных специалистов, которых по рекомендациям присмотрел, еще находясь в столице. Работал с утра и до глубокой ночи. Половину штата надобно было бы разогнать, но Илья Петрович с этим не торопился: особого выбора не было. В этом он убедился, побеседовав с главным полицмейстером города Алексеем Игнатьевичем Игнатьевским – тот оказался человеком недалеким, но с большими амбициями. Убийство сенной девки валил на удмуртов, толковых мотивов не называл. Дескать, местные-идолопоклонники убивают, чтобы богов своих потешить. Полицмейстер говорил, и жирные щеки его тряслись: «Вы поймите, Ваше Превосходительство, удмурты – они себе на уме. Обидчивы страшно. Могут на воротах повеситься, чтобы врагу досадить. Проойдитесь по дворам – в каждом есть эсертвенник. Они совсем недавно, три-четыре десятка лет тому назад, людей богам резали. Чего им девку-то погубить. Кто-то побаловался, и ищи-свищи».

Илья Петрович слушал и удивлялся невежеству. Разговор с полицмейстером его расстроил – не хватало еще самому убийцу искать. Чайковский дал Игнатьевскому две недели на поиск убийцы.

Однако, были и радостные моменты, дающие надежду, что город-завод быстро выбьется в передовые.

Алексей Степанович Москвин, к удивлению начальника, оказался расторопным молодым человеком. Все поручения выполнял быстро и в срок, проявлял инициативу, подсказывал. Горные инженеры, как и управляющие завода, отвечали за приписанных к заводу крепостных¹³. На заводе практиковали бесплатную отработку по четыре дня в неделю плюс оброк за землю, покос и выпас. Народ упрямылся, работать не хотел. Только физическое наказание удерживало крестьян. Если сбегал приписанный к заводу, власть хватала баб, детишек, сажала в острог. Мужики нехотя возвращались. Только так можно было добиться послушания. Русские-то еще работали, а удмурты просто уходили в леса. Ищи-свищи такого работника.

Илья Петрович первым делом ввел то, что до него не делалось: дал право приписным мастеровым брать участки на покосы и предоставил выгоны. Но за это право горнозаводские все так же были обязаны отрабатывать на заводе. Рабочие вздохнули полегче. Пользование землей, да еще дополнительный день в неделю летом, когда каждый день год кормит – семье подмога. У мужиков появилось время на личное хозяйство. А бабы и вовсе могли на огороде всю неделю работать да скотину обихаживать. Дело пошло. Выработка железа только за первый месяц увеличилась на четверть. А еще Чайковский ждал приезда специалистов, чтобы

¹³ Приписные крестьяне – в России XVII – первой половине XIX века государственные, дворцовые и экономические крестьяне, вместо уплаты подушной подати работавшие на казенных или частных заводах и фабриках, то есть прикрепленные (приписанные) к ним. В конце XVII века и особенно в XVIII веке правительство для поддержки крупной промышленности и обеспечения ее дешевой и постоянной рабочей силой широко практиковало приписку государственных крестьян к мануфактурам на Урале и в Сибири. Обычно приписные крестьяне прикреплялись к мануфактурам без определенного срока, то есть навечно. Рекруты, набираемые среди приписных, становились мастеровыми на горных и металлургических заводах. Формально эти крестьяне оставались собственностью феодального государства, но на практике промышленники эксплуатировали и наказывали их как своих крепостных.

внедрить те свои планы, которые набрасывал в толстую тетрадь, дотошно изучая каждый угол производства. По вечерам дома в своем зеленом кабинете он читал технические журналы по горной науке и машиностроению на немецком, французском, английском языках, благо знал их в совершенстве.

С особым вниманием Чайковский отнесся к ремонту казенного дома, чтобы приготовить его к приезду любимой супруги. Все комнаты оклеили обоями, отремонтировали печи, прочистили дымоход, наладили окна, выскоблили пол и даже нарисовали паркет, к которому привыкла его молодая жена в далеком Санкт-Петербурге. Илья Петрович выписал оркестринку – механическую музыкальную машинку. В оранжерее, где круглый год росла зелень, свежие огурцы и помидоры, высадили цветы. Все уже было готово к приезду семейства, когда неожиданно пришла новость.

В этот день градоначальник, как обычно, проводил утреннее совещание с заводским высшим техническим и административным составом. В кабинете шло обсуждение планов на неделю с инженерами завода: Василием Ипатьевичем Романовым, смотрителем цехов; уже известным читателю Алексеем Степановичем Москвиным, инженером первого ранга и еще одним инженером третьего ранга Львом Николаевичем с благостной фамилией Отрада. В приемной кабинета в ожидании томились полицмейстер города Алексей Игнатьевич Игнатьевский и его злейший приятель, так сказать, духовный оппонент – старший лекарь Сильвестр Федорович Тучемский.

В приемной кабинета открылась дверь, и строевой походкой к начальству проиествовал молодой фельдъегерь с завернутым в пергамент пакетом в руках.

В кабинете, отrapортовав по всем правилам, подпоручик вручил пакет подполковнику. Илья Петрович быстро сорвал бумагу, осмотрел конверт, взволнованно сломал печать, прочитал письмо и возбужденно пробежался по приемной, потирая руки. Оглядел инженеров, сказал, обращаясь к Москвину:

– Ну что, Алексей Степанович! Кажется, чудо, о котором Вы и помыслить не могли, свершилось. Так что Вы проигравший и ... мой личный должник, так сказать.

Не отвечая на расспросы, Илья Петрович отворил дверь, приглашая всех присутствующих присоединиться, и осипшим голосом объявил:

– Господа! Нам оказана великая честь! К нам в город на наш завод с инспекцией едет великий князь Александр Николаевич, наследник престола.

Все замерли в изумлении. Конечно, слухи о большом путешествии наследника России достигли даже самых дремучих уголков империи. Но никто не ожидал, что цесаревич проявит такой пыл и доберется почти до Сибири. И уж тем более никому не приходило в голову, что он посетит затерявшийся в российских просторах городок Воткинск, где даже достойного жилища для наследника и его свиты не найти.

Илья Петрович взволнованно продолжил:

– Для нас, господа, это не только огромная честь, но и большая ответственность. Вятский губернатор пишет, что мы обязаны за короткий срок привести в порядок дороги и мосты, по которым проедут наши гости, подготовить завод, полицейское управление, госпиталь, школы для осмотра и ревизии. Нам отвели месяц на подготовку.

У нас появился шанс – мы можем так презентовать наш завод, что добьемся финансирования и получим заказ на строительство судостроительной верфи. Будем рассказывать о наших планах! Мы должны своим рвением и расторопностью доказать императору, что и в Воткинске могут строить корабли! Да-с! Голубчики мои, – Илья Петрович перешел на ликовующий полусеппот, – голубчики! Это такая удача! Я уверен, у нас все получится, и мы будем строить речной флот! Как сейчас купцы доставляют товар? На баржах да на подводах. А если у нас появятся легкие, маневренные корабли, мы же сможем пеньку из Сарапула отправлять в саму Астрахань, а сталь – в Санкт-Петербург. О, я вижу тот день, когда мы

спустим первый корабль, – Илья Петрович чуть не кружился на месте. Подчиненные молчали, но невольно заражались энтузиазмом начальника. Разве не чудо, что их никому не известный город навестит сам цесаревич? Почему бы и кораблям не взяться в сухопутном городе? Пожалуй, этот начальник дружит с кем-то наверху и может творить чудеса.

Чайковский меж тем раздавал поручения:

– Жду всех к пяти вечера с отчетами по вашим заведениям – что и в какие сроки планируете подготовить, что будете показывать, о чем рассказывать, просить. Нам необходимы иностранные специалисты, знатоки пудлингового производства, строители судоверфи. Алексей Степанович, Вас прошу подготовить проекты и запросы, останьтесь, обсудим. Василий Ипатович, на Вас – завод! Чтобы все блесло, работало, как часы. Надо продумать программу – на какие производства поведем наследника. И не дай бог, рабочие жаловаться будут! Кормите их обедами пожирнее в эти дни. Лев Николаевич, дороги, мосты – на вас. Чтоб через две недели дрожки летели по дорогам, как по льду. Сильвестр Федорович, в Вашем ведомстве я уверен. А Вас, Алексей Игнатьевич, прошу удвоить бдительность: чтобы охрана смотрела в оба. Есть вопросы?

Москвин замялся, и Илья Петрович обратился к нему:

– В чем дело, Алексей Степанович?

– Да... Я вот думаю, наследник, хоть ему и девятнадцать, еще ребенок. Ему бы не бумаги читать, а повеселить, показать что-нибудь интересное. Может, отлить якорь в его честь? Или салют устроить в его честь? Молодые люди такое любят.

– Прекрасная мысль! Прекрасная! Хотя про наследника едва ли можно сказать, что он ребенок. Его же готовят стать императором. Но с салютом Вы совершенно правы. Василий Ипатович, подготовьте фейерверк.

– Постараемся, Илья Петрович, – ответил лысоватый человек с небольшим животом.

– Вот и славно! А мне губернатор вятский дал особое поручение: достойно разместить августейшую особу и его наставников. Я знаю только один дом, готовый принять столь высоких гостей – мой. Точнее – казенный. У нас две недели, чтобы подготовить его. Друзья-коллеги, за работу!

Для помощи по дому и подготовки комнат под нужды свиты Великого Князя в помощь слугам из Нижнего Новгорода, где находилась супруга и дети Ильи Петровича в ожидании, когда ремонт в доме будет завершен, срочно вызвали гувернантку-француженку Фани.

Она прибыла в Воткинск через неделю. Всю дорогу девушка учила сложные корявые русские слова и, измученная долгой дорогой, уже подумывала о том, что зря связалась в такую авантюру – согласилась на службу в далеком затерянном городе, чуть ли не на краю света. Фани вспоминала, как она оказалась в Санкт-Петербурге, и не могла найти место. Ей повезло. Ее свели с молодой дамой, которая искала гувернантку своим детям. Женщины сразу нашли общий язык в обоих смыслах – Александра Андреевна Чайковская прекрасно говорила на французском, родном языке ее отца, и с уважением отнеслась к иностранке, ищущей место. Фани была так очарована, что не испугалась долгой дороги и неизвестности (про город Воткинск она, конечно, никогда не слышала). А когда увидела Николая – старшего сына Александры Андреевны – и Катеньку – малышку-дочку – растаяла. Мальчик был тих, воспитан и стремился к знаниям, дочурка очаровательна, но слегка болезненна. Дамы договорились, и Фани пустилась вместе с Александрой Андреевной в долгое путешествие по России, застряв по пути в Нижнем Новгороде.

Радушный прием в доме Горного начальника Чайковского так приятно удивил Фани, что она вмиг забыла про свои сомнения. Илья Петрович вместе с высывавшими дворовыми встретил девушку, словно это была его родная дочь, с которой он к тому же давно не виделся. Он повелел выделить гувернантке комнату, которую, однако, по причине ожидаемого нашествия гостей, пришлось делить с казенной горничной полковника.

«Пока не приехала моя супруга, Онисья поступает к Вам в помощь. Она поможет разобрать багаж и все Вам покажет. А пока отдыхайте с дороги», – с этими словами Чайковский оставил Фани наедине со слугами.

Мальчишку Мишку отправили переносить багаж гувернантки. Дворовые сгрудились вокруг брички, разглядывали чемодан, коробку для шляпки, саквояж и саму хозяйку утвари. Фани решительно улыбнулась и спросила: «Кто из вас Онисья», – ставя ударение на последний слог. Девка Прасковья, прачка, хихикнула: «Я – Онисья». Горничная шикнула на нее и вышла вперед, одновременно подхватывая саквояж из рук француженки. «Онисья я, – поправила она, – пойдемте, барышня, покажу Вашу комнату». Фани, подобрав юбки, засеменила за ней, едва успевая за быстрым шагом девушки. «А хороша французская кобылка!», – мечтательно завел Мишка, когда вернулся, отнеся багаж. Мужики засмеялись.

Комната оказалась светлой и довольно просторной. Постель гувернантки располагалась у окна. У противоположной стены стоял шкаф и единственный стул. Кровать Онисьи была прямо у входа. Под ней разместилась корзина с бельем, на стене на гвоздях висело пару платьев. Горничная поставила тяжелый саквояж на стул и спросила: «Разобрать багаж?»

Фани осмотрелась. Села на кровать, вытянула ноги. «Я плехо говорю по-рюсски, – обратилась она к горничной. – Ты будешь учить меня?» Онисья широко заулыбалась. «Конечно, барышня». Француженка тоже улыбнулась: «Зови меня Фани».

Так началась эта странная дружба приезжей француженки и дворовой крепостной. Онисья оказалась доброй учительницей, не жалеющей сил повторять одни и те же слова, а Фани – отличной ученицей, хватающей новое на лету. Через неделю, когда девушки готовили комнаты к приезду наследника: вычищали мебель, расставляли фарфоровые статуэтки, раскладывали письменные принадлежности, – Фани уже в общих чертах понимала, что ей говорила Онисья, а то, что не понимала, додумывала.

Онисья весело щебетала:

– Я ему говорю: «Хочу замуж по-настоящему, чтобы было венчание, свадьба». А он мне: «Давай по нашему обычаю поженимся». А что значит «по нашему обычаю»? Пошел на посиделки, остался на ночь и все – пара. Как у животных, ей-богу. Не хочу так!

Фани ей отвечала, показывая жестами то, что не могла выразить словами:

– Nous avons aussi une étrange coutume. У нас тоже есть странные обычаи. На свадьбе молодые должны поест из горшка, куда весь вечер бросают объедки гости.

Онисья залилась смехом:

– Как собаки? На собственной свадьбе? Объедки? Дикие вы, французы. А правда, что вы лягушек едите?

– C'est très bon! Это очень вкусно! – веселилась Фани, наблюдая, как кривится симпатичная мордашка Онисьи. – Надо вместе попробовАть!

– Ну уж нет! Лягушек у нас только колдуны в свои варева кидают. По доброй воле – ни за что!

Вечерами, когда заканчивали с работой, девушки вдвоем отправлялись на пруд, который был в двух минутах ходьбы от усадьбы. Лето выдалось жарким. Вечера стояли теплые. Дворовые купались отдельно от господ, для которых были построены купальни. Пока Онисья, скинув верхнее платье, не стесняясь, бросалась в воду, француженка сидела на лавочке, обливаясь потом.

Однажды работа затянулась, и купаться пошли уже поздно, когда стемнело. На пруду никого не было. Онисья уговорила француженку зайти в воду. Та аккуратно сложила платье на скамью перед купальней и смело зашла пруд. Фани сделала несколько гребков и перевернулась на спину, разглядывая звездное небо. Кто-то коснулся ее руки. «Это ты?» – спросила Фани, поворачивая голову, и никого не увидела. Голос Онисьи звенел где-то в темноте. Фани насторожилась, и тут же кто-то с силой толкнул ее из воды и ударил по ногам. Фани схва-

тила ртом воздух и поплыла к берегу, но невидимая сила опять ударила в бок, и ее потянуло в глубь. Фани успела выкрикнуть: «Помо-о...» – и ушла с головой под воду. Она увидела огромные желтые глаза. Они таращились на нее, неуклонно приближаясь. Фани закричала под водой и выпустила из груди остатки воздуха, которые пузырями поднялись на поверхность. Глаза приблизились почти вплотную. Огромная рыбина, раза в два больше хрупкой девушки, развернулась прямо перед ее лицом и ударила по воде хвостом так, что она перевернулась вниз головой и, потеряв баланс, начала тонуть.

Когда ее безвольное тело уже касалось илистого дна, сильные руки вдруг ухватили французенку за волосы и вытянули на поверхность воды. Онисья держала голову Фани одной рукой, а второй гребла к берегу. Вытащив подружку на берег, она что было силы нажала той на грудную клетку, едва не сломав ребра. Из рта Фани вырвался фонтан воды. Девушка закашлялась и задыхалась, приходя в себя.

– Merci, Онисья, – от волнения Фани перешла на французский. – Если бы не ты. Даже не хочу думать, чем бы это закончилось! Кто это был? – спросила она уже на русском.

Онисья замахала руками, изображая чудовище:

– Водяному ты приглянулась. Французских барышень не видал, вот и решил на тебе жениться.

– Что ты выдумываешь? – девушка всматривалась в пантомиму горничной. – Это рыба была – огромная, с желтыми глазами, – по-французски отвечала Фани.

– Вот я и говорю, водяной, – твердила горничная. – Хорошо, что я рядом была, а то утонула бы барышня ни по чем.

Онисья усадила Фани на скамью, растерла ее, стараясь согреть. И пошла за одеждой.

«Прохлаждаетесь?» – из тени деревьев выступил мужской силуэт. Девушки завизжали. Мужчина вышел на освещенную лунной дорожку. Оказалось, что это Москвин. «Да не кричите, оглашенные! Не смотрите я, одевайтесь».

– Барин, мадемуазель Фани чуть не утонула, водяной ее утянул, – рассказывала Онисья, натягивая на французенку, а затем на себя платье.

– Водяной? Это тот, который с усами и желтыми глазами?

– Он, – ответила Фани. – Вы тоже его видели?

– Зачем же вы ночью полезли в воду, дорогая мадемуазель Дюрбах? У нас здесь, знаете ли, сомы водятся. Одного уже с год поймать не могут – гусей и коз в воду утаскивает. Видимо, теперь за французских курочек принялся.

– А почему Вы за нами подглядываете, Алексей Степанович? – перешла на французский Фани, почувствовав в последнем высказывании скабрёзную иронию.

– А затем, милая Фани, что у нас не безопасно по ночам гулять. Я шел от подполковника Чайковского, слышу: смех, а потом крики. Вот и кинулся узнать, что случилось. А тут – такие русалки на берег вышли. Осторожнее надо быть, однако. Позвольте проводить вас до дому? – Москвин подошел к одетым уже женищинам.

– Ну хорошо, – все еще стуча зубами, ответила та, хватаясь за предложенную руку и, принаправляя свой шаг к его.

...

– Владимир, чай будешь? – обратился к богатырю Коровьев, вернув бомжа из уютного мира девятнадцатого века в унылую современность.

Владимир подошел за своей кружкой, вернулся обратно, сел. Кружку поставил на подоконник и опять открыл книгу на первой странице, там, где была фотография автора Елены Шмуляк. Полюбовавшись, продолжил чтение. Коровьев заметил это и ухмыльнулся, ничего, однако, не сказав вслух. Книжка была потрепана и читана-перечитана много раз, но рыжий крепыш с упоением листал ее вновь и вновь.

Глава 2. Наши дни

Владимир спал коротким тяжелым сном. Опять снилась авария: черная фигура в ярком свете фар, скрип тормозов, удар, обмякшее тело на капоте, звон в ушах, ледяной ужас, и страх, сковавший все тело. Руки, вцепившиеся в руль. Визжащий сигнал скорой помощи. Звук нарастал и пробивался сквозь тягучий сон. Веки Владимира дрогнули и открылись. Металлический будильник дребезжал и подпрыгивал на тумбочке рядом с лежанкой, на которой в одежде спал Владимир.

Парень встал, тряхнул головой, отгоняя остатки дремы, прошел мимо Коровьева, заснувшего облокотившись на стол. Накинул телогрейку, висевшую на гвозде перед деревянной дверью сторожки, и шагнул в ночь, на мороз, в стылую синеву. Дошел до черной кучи древесного угля. Он сиял при свете луны, переливался алмазным блеском. Володя быстро накидал лопатой полную тележку антрацитовых звезд и, трясаясь вместе с поклажей по неровной тропке, выложенной кирпичом, покатил фальшивое богатство обратно в сторожку, откуда имелся вход в котельную лесозавода.

Когда рассеялась пыль от сброшенного на пол угля, парень загрузил очередную порцию огненной еды в жадное нутро большой, грязной от копоти печи и вернулся в сторожку. Поставил на конфорку мятый железный чайник. Вышел покурить – с недавних пор у него появилась еще одна нехорошая привычка.

После крепкого чая не спалось. До следующей топки еще час. Володя открыл оставленную на столе книгу, полистал. Не читалось – сказывалась усталость, не дающая погрузиться в чтение – в шестой раз он уже возвращался к одной и той же странице, витая мыслями совсем в другом месте. Вспоминался Воткинск, их первая с Еленой встреча.

Рабочий городок Воткинск раскинулся вокруг большого красивого пруда. Широкая дамба, перегородившая излучины трех рек, соединила две части города: частный сектор с музеем-усадьбой и непосредственно сам город с бывшим железоделательным заводом, который ныне кардинально преобразился и выпускал баллистические ракеты. Завод занимал просторную территорию: свежавыкрашенные здания, охрана, строгая дисциплина, рабочая обстановка.

Жилые дома города растянулись вдоль набережной. Сталинские розовые пятиэтажки смотрели на пруд. Бывшие купеческие доходные дома, покрашенные в желтый и белый, были отданы под административные нужды, банки. Дворец культуры, в котором ежегодно проходил фестиваль Петра Ильича Чайковского, и выступали мировые приглашенные звезды, расположился напротив пруда. Рядом – парк Высоцкого. Его разбили сами горожане, установили памятник актеру. В антикварных телефонных автоматах, расставленных по аллеям парка, звучали песни барда. Городок уютный. Старые деревянные дома с красивейшими резными наличниками, орнаментом, фигурками зверей и птиц погружали случайных туристов, занесенных в этот удаленный от федеральных трасс край, в атмосферу девятнадцатого века. Останавливался ход времени, мысли начинали течь неспешно. Хотелось прогуляться вдоль пруда, облокотиться на парапет и смотреть на блестящую от солнца гладь пруда. Тишина и покой. Только колокольный звон нарушал сонное безмолвие городка.

Благовещенский храм стоял в самом центре города, на большой площади, напротив плотины – огромный, величественный, с золотым, переливающимся на солнце шпилем колокольни и большущими чугунными колоколами. Подъезжая к Храму, христианин невольно вскидывал руку, накладывая на себя крест, и с удивлением останавливался, замечая перед Храмом не менее величественную фигуру вождя пролетариата. Черный чугунный Ленин стоял на стеле-стреле, перекрывая вид на храм. И христианин ловил себя на мысли, что он не просто крестится, а отрешивается от ужасного видения, как деревенская бабка, приговаривая: «Свят,

свят, свят». Историю не сотрешь. Стоял Ленин напоминанием о других временах. В советское время здесь был дворец культуры, потом кинотеатр, в перестройку в подвале работал ресторан – место бандитских сходов. Все кануло в Лету. Теперь в храме велась реконструкция. Восстановили внешний облик прекрасного здания. Внутри под пустым куполом храма муравьишками двигались рабочие, готовили пол к заливке, штукатурили стены, аккуратно обходя деформационными швами старинные фрески.

На плотине высился, раскинув крылья, огромный металлический якорь, выкованный когда-то самим великим князем Александром Николаевичем, старшим сыном императора Николая Первого. Стоял, как и предсказывал об этом шаман двести лет тому назад.

Артель художников-иконописцев ехала в город Воткинск на роспись нижнего храма. Того самого, в котором раньше размещались склады и бандитский ресторан. Старенький автобус, подпрыгивая и брэнча на кочках, заехал в город, прокатился по длинному асфальтированному полотну над плотиной, мимо завода, центральной площади, повернул направо, по узким улочкам взобрался вверх и, издав тормозами жалобный скрип, остановился рядом с небольшой кладбищенской церковью. Двери автобуса, шипя, открылись, и художники высыпали на площадь перед церковной оградой, весело переговариваясь, выгружая из автобуса сумки, коробки с краской, рулоны бумаги, кальки. Бригаду иконописцев составляли в основном девушки и женщины. Мужчин было двое: руководитель артели, темноволосый плотный удмурт, бодро дирижирующий веселой женской толпой, и инвалид с большой непропорциональной головой и шишками размером с куриное яйцо, нависающими над бровями, взятый на практику более из сострадания, чем для помощи.

Женщины-художницы подхватили сумки-коробки, зашли через распахнутые ворота на территорию церкви. Уверенно повернули налево и остановились перед кирпичным зданием в один этаж с высоким чердаком. На крыльце дома стоял пожилой священник лет шестидесяти в черной рясе, с седыми волосами, собранными в хвост – отец Георгий. Он радостно улыбался.

– Приехали! Добрались, сердешные! Уж мы вас заждались. Елизавета Петровна вон пирожков для вас состряпала. Выглядывала каждую минуту. Не дождалась, ушла по делам. Ну, идите, обниму!

Темноволосый удмурт первым приблизился вразвалку на больных артрозных ногах к священнику и преклонил голову. Отец Георгий одной рукой перекрестил подошедшего, другой полюбнял:

– Николай Петрович, дорогой! Как я рад вас видеть! Дорога, надеюсь, прошла легко? Поздравляю вас с получением звания. Народный художник Удмуртии – это, что ни говори, признание заслуг. Но мы и без того вас ценим! Сколько храмов расписали! Низкий поклон вам. Жаль, я не смог отлучиться в Ижевск на церемонию награждения – один я здесь. Да вы все знаете.

Мужчины расцеловались. Николай Петрович, пряча улыбку, обвел толстенькой ручкой шумную толпу суетящихся женщин и спросил:

– Поместимся все?

– А как же! Не первый раз! Ну пойдемте-пойдемте.

Священник развернулся и, придерживая одной рукой рясу, засеменил к дверям высокого двухэтажного флигеля, приглашая гостей за собой:

– Проходите, размещайте девушек, матрасы мы достали. Красавицы ваши все уже знают, привычные. Вам в другой половине комнату приготовили. Вашему, э-э-э, помощнику мы тоже место найдем. Располагайтесь и сразу в трапезную – отобедать. Чем Бог послал.

Девушки радостно галдели, протискиваясь в узкую дверь. Внутри располагался небольшой коридор, налево – светлый и просторный класс воскресной школы, на время превращенный в общежитие, направо – учебный кабинет, вниз – лестница в подвал, где размещался туалет, постирочная для одеяний священников. Трапезная и кухня занимали первый этаж при-

стройка, соединявшего здание школы с покоем благочинного, где проживал глава Воткинской епархии Там же, в пристрое, находился крестильный зал.

Посреди церковного двора, на холме, стояла сама кирпичная церковь с колокольной. Сзади расположилось неухоженное кладбище. На некоторых оградках были видны повязанные по удмуртским традициям ленточки.

Женщины раскладывали по полу учебного класса полосатые матрасы, застилали привезенным с собой постельным бельем.

– Еще кровать нужна, отец Георгий, – донеслись их голоса.

– Готова, сейчас принесем, – ответил батюшка и быстрым шагом пошел-побежал в свой покой. Вернулся с помощником-сторожем и кроватью, которую они с трудом тащили, держа с двух сторон. Широкую, с панцирной сеткой и металлическими набалдашниками в виде виноградных гроздей, на четырех опорах. Поставили у окна.

– Ну вот, Ириночка будет довольна, – улыбалась бабушка-иконописец.

Священник улыбнулся:

– Ирина, как королева, будет спать. Мы ей самый плотный матрас выбрали.

Молодые девчушки, приехавшие в первые раз на роспись, удивленно взирали на кровать-трон, возвышающуюся среди уложенных на полу матрасов.

Бабушка-иконописец объясняла:

– У Ирины нашей позвоночник был сломан, с того света себя молитвами и силой воли вытащила. Энергии у нее на взвод солдат хватит, а вот спать на полу не может – тяжело ей подниматься. Она, только перекатившись и ноги свесив с кровати, встать может.

Расположились. Пошли в трапезную. Девушки по-хозяйски осмотрели кухню. Провели ревизию кастрюль, стоящих на плите. Еда была еще теплой. В огромной кастрюле алел постный борщ, в другой – томились макароны в соусе из фасоли. В двух высоченных резных старинных буфетах стояли ряды посуды. Сама трапезная была светлой, но местами штукатурка со стен отвалилась, и на них виднелись следы желтых водяных потоков, донимавших кухонных работников каждую весну и дождливую осень. Крыша худая, а денег вечно на ремонт не хватает.

Быстро сервировали стол. Отец Георгий прочитал короткую молитву, благословил пищу. Сели. На одну минуту воцарилась тишина. И тут дверь в трапезную отворилась, и на пороге возник высокий крепкий рыжеволосый парень лет двадцати пяти. Улыбка ярко освещала его лицо. Женщина, сидящая к нему лицом, взвизгнула, быстро перемахнула через лавку, обежала стол и повисла на парне, обнимая его и трясая за плечи одновременно.

– Матушка, успокойся! Ты из меня сейчас весь мозг вытрясешь!

– Какой мозг, Володя, разве он у тебя есть? – смеясь отвечала женщина, подставляя щеку для поцелуя.

– И я тоже рад тебя видеть, – радостно гудел басом Володя, легко отрывая матушку от земли и заключая в объятия.

Вокруг них стояли уже другие девушки и женщины. Все по очереди обнимали рыжего красавца-великана, радостно приветствовали.

– Привет, Дашок, как выросла-то! – великан шагнул к скромной девушке, стоящей чуть поодаль. Без усилий приподнял ее и легко коснулся губами щеки: – Пряма красавица!

Даша покраснела и заулыбалась:

– Мне уже семнадцать!

– Уже! – рассмеялся крепыш.

– Все-все, успокойтесь уже, сажайте Володю за стол, – улыбаясь в бороду, сказал отец Георгий.

Парень подошел к отцу Георгию, склонил голову для благословения. Отец Георгий перекрестил его. Владимир выбрал себе место поближе к матушке и сел. Ему сразу подали тарелку борща, ложку, второе.

Николай Петрович пожурил:

– Тебя, Володя, увидели, про меня забыли совсем. Все пироги тебе. Нам, старикам, только черный хлеб.

– Что уж вы, Николай Петрович, он же нам как сын, – сказала матушка, подкладывая в тарелку Володи пирожок.

– Девочки, – продолжила матушка, повернувшись к другому концу стола, где сидели девушки, впервые прибывшие на практику, – вот тот самый Володенька, про которого я вам рассказывала. Звонарь, победитель конкурса колокольного звона Уральского края. Талантище. А по армейской профессии он еще и моряк. Служил на ...э-э-э ... Как его? Фрегате имени адмирала Кузнецова. Смотри-ка, – удивилась женщина, – запомнила. Все уши с этим фрегатом ты, Володя, прожужжал. И внимание, девочки: Володя – не-же-нат! Рекомендую. Всем, кроме Даши, она еще маленькая, – закончила свое выступление матушка.

Володя расправил плечи и быстро взглянул в дальний угол стола, где сидели новенькие. Даша подхватила из-за стола, вскочила и быстрым шагом вышла из комнаты.

– Даша, куда ты? – крикнула ей вдогонку матушка. – Ох, похоже смутила я девочку. Она у нас такая ... непосредственная. Ты уж, Володя, ее не обижай. Ребенок она еще.

– Матушка, ты совсем обо мне плохого мнения. Не положено мне, матросу, детишек, тем более больных, обижать. Я же помню, что она особенная.

Матушка успокоенно улыбнулась.

На противоположном конце комнаты шла другая беседа.

– Кого в алтарь поставишь, Николай Петрович? – спросил Отец Георгий.

– Наталию Петровну, старосту нашу, – показывая на бабушку, ответил Николай Петрович.

– С Натальей Петровной мы давно знакомы. С того самого дня, как заболела раком племяншка ее любимая. Хорошая девочка была, светлая. Ушла малышкой, зато сколько родственников к вере привела. Господь попустил такое чудо. Через горе к вере. Ну хорошо. Еще кого в алтарь можно?

– Еще девочек наших, которые незамужние. Маются, женихов нормальных нет. Блюдут себя, как положено. Вот и коротают молодость в одиночестве. Еще Олега можно, – он кивнул в сторону инвалида, – до первого приступа. Как упадет, потом несколько дней отлеживается. Остальные – в Благовещенский. Там работы много.

Отец Георгий пододвинулся вплотную к Николаю Петровичу. Заговорщицким тоном произнес:

– Просьба у меня к тебе, Николай Петрович! Приехала к нам из Санкт-Петербурга внучка моего давнишнего товарища. Она журналистка, пишет статью о Чайковском. Возьми ее в оборот. Покажи ей что к чему, расскажи про иконопись. Пусть женщины твои с ней малость побеседуют – ей бы поближе к Богу быть. Молюсь я за нее, а она живет невенчанным браком. Да даже не браком, а так – сожительствует с кем-то. И не уходит от него, и замуж не идет – не то, говорит, не по-настоящему. Может, твои ее уму-разуму научат? Она сейчас подойдет, я позвал ее.

Николай Петрович закивал головой, улыбаясь в усы на нехитрую просьбу отца Георгия:

– Конечно научат, у нас девушки внимательные, ласковые, но строгие. Наталья Петровна, поучим молодежь уму-разуму? Сейчас подойдет гостья из Санкт-Петербурга, журналистка. Пишет статью о Петре Чайковском. Прошу не обижать. Все рассказывать, показывать. Возьмем девушку под свое крыло?

Иконописцы оживились. Гости нечасто бывали в их артели. Общались в основном узким кругом. Не со всеми могли дружить: водку не пили, старались не грешить, не сплетничать, начальство не осуждать, – а какому такой собеседник по нраву?

Володя пропел басом:

– Красивая?

Николай Петрович зыркнул черными глазами на парня:

– Угомонись! Мало тебе своих девчонок? Выбирай – не хочу. Когда ж ты, Володька, остепенишься уже? Жениться тебе пора.

– Пора! – легко согласился звонарь. – Да вот не берет никто.

Все рассмеялись. В это время дверь в зал распахнулась и вошла девушка. Остановилась посреди зала и громким голосом представилась:

– Здравствуйте! Я Елена, журналистка.

На фоне низкой арки трапезной, выкрашенной дешевой масляной краской, девушка казалась заморской птицей, занесенной неведомыми путями в этот далекий от цивилизации угол. Она стояла, залитая солнечным светом, который падал из единственного узкого окошка зала, в дорогом брючном костюме серо-голубого приглушенного цвета. На вид ей было лет двадцать пять, не больше. Ее белокурые волосы модного в этом сезоне холодного оттенка мягко струились вниз из-под серой, под стать ее глазам, косынки. Широкий пиджак, белая блузка на высокой груди и прямого кроя брюки, из-под которых торчали острые носы туфелек, не скрывали, а наоборот, оплетали ее формы. При всем своем нежном очаровании в чертах лица девушки чувствовалась решимость, даже жесткость. Тонкий нервный рот, прищуренные глаза, смотрящие прямо, не могли обмануть – девушка была с характером. Если приглядеться, спустя время становилось понятно, почему ее взгляд обладал такой пронизывающей силой – красавица редко моргала. Когда-то она прочитала, что актеры Майкл Кейн и Энтони Хопкинс, чтобы стать убедительными, старались не моргать, и с тех пор так часто пользовалась этим приемом в мужском коллективе своей редакции, что привыкла и перенесла эту привычку в повседневную жизнь. Теперь она могла одним взглядом перевести внимание аудитории на себя.

Володя замер и даже чуточку приоткрыл рот. Путешественница сразу заметила это, улыбнувшись кончиками губ.

Повисла пауза.

Елена постояла, потом быстро пересекла помещение, подошла к Николаю Петровичу, выделив его из всех, подала ему руку для приветствия.

Николай Петрович привстал, чтобы выйти из-за стола.

– Какая шустрая, – он не спеша вытер руки полотенцем, которое ему протянули, и подставил широкую короткопалую ладонь. Елена все это время стояла, вытянув руку, спокойно ждала. Обменялись рукопожатием. Мужчина даже разволновался, не часто ему доводилось общаться с уверенными в себе женщинами, да еще из культурной столицы. Представился:

– Николай Петрович я. Присаживайтесь. Володя, освободи место гостье. Наталья Петровна, распорядитесь, чтобы еще одну тарелку поставили.

– Ну вот и познакомились, – радостно потер ладошки отец Георгий. Чувствовалось, что он тоже смущается столичной фифы: – Я вас оставляю, побежал – дела у меня...

Володя уже пришел в себя, пересел и поставил рядом с собой тарелку с едой, которую быстро сервировали для журналистки. Новенькая разместилась сбоку, но трапезничать со всеми отказалась:

– Спасибо, я не голодная. Но чаю с удовольствием выпью.

Ей налили отвар иван-чая, собранного вручную ранним летом, который для здоровья и тонуса пьют в этих краях. Поставили рядом варенье из калины, мед в чашке и подвинули пиалу с сиропом из сосновых шишек.

Елена не притронулась – ждала вопросов.

– Ну рассказывай, зачем к нам пожаловала, – пошел в наступление Николай Петрович, не зная, как начать разговор.

Девушка выдержала паузу. Она в который раз ругала себя, что согласилась на это задание редакции. Все оказалось не так, как она себе представляла. Елена уезжала из Санкт-Петербурга

в ожидании легкого приключения. Хотела заселиться в гостиницу, быстро сбегать в музей, посетить памятные места и обратно. Однако дед-священник при храме Богоявления в Санкт-Петербурге, которого она, несмотря на разногласия по вопросам веры, горячо любила и уважала, настоял, чтобы его любимая внучка остановилась у хорошего знакомого семьи – отца Георгия.

«Чтобы погрузиться в атмосферу того времени, о котором собралась писать. Поработай в Храме, где крестили Петра Чайковского», – сказал дед. Елена сопротивлялась. Но дед выдвинул аргумент, против которого слов не нашлось: «Ты же хотела настоящей журналистики! Проведи исследование, найди те факты о жизни Чайковского, которых никто не знает. Даже на простом материале можно сделать статью-бомбу. А для этого тебе надо понять народ, среди которого он жил. Тебе надо пожить там, повариться в том же котле, почувствовать касание ангела музыки».

Дед говорил высокопарно, но правильно. А еще он молился за свою внучку о вразумлении.

Елена вздохнула. Она была чужеродна всем этим странным людям, которые смотрели на нее с добротой и лаской, немного побаиваясь. Длинные юбки, платки на головах, прятавшие волосы женщин, их скромная одежда, убогое жилище без ванной комнаты, куда ее поселили – все казалось ей нелепым. Зачем она здесь?

– Зачем? – переспросила она, будто сама ожидала услышать ответ на этот вопрос.

И предложила рабочую версию:

– Пишу статью о композиторе Петре Ильиче. Ну вы знаете. Собираю материал о детских его годах. Вот. А еще хочу понять людей, которые здесь живут. У меня вообще впечатление сложилось, что с девятнадцатого века здесь как будто ничего и не изменилось: деревянные дома с наличниками, колокольня. Все, как и было. Моя задача – наблюдать, собирать материал, слушать. Тревожить вас не хочу. Постараюсь быть незаметной. То, что в чужой монастырь со своим уставом не ходят, знаю. Так что распоряжайтесь мной, как... если бы я была в вашей артели. Что смогу – сделаю.

Выдохнула.

Николай Петрович удовлетворенно крякнул. Такой порядок его вполне устраивал.

Всем разлили чай по стаканам. Стали пить, прикусывая хлеб, намазывая на него варенье.

«Как в детстве у дедушки», – подумала Елена – и тут же капнула желтым сосновым сиропом себе на пиджак. Женщины предложили ей запасную верхнюю кофту, принесли из церковной лавочки юбку на завязках, которой Елена прикрыла брюки, обмотав их сверху. Наталья Петровна тут же застирала пятно детским мылом, чтобы следа не осталось.

Все то время, пока Елена рассказывала о себе, пока ее переодевали, Владимир поглядывал на девушку. Заговорить не решался. Куда-то пропала его уверенность и привычная насмешливость. Женщины, наоборот, шутили, расспрашивали о Санкт-Петербурге, о жизни в столице, о работе. Елена понемногу оттаяла, рассказала о дороге, о том, как летела самолетом в холодный Ижевск, потом на такси добиралась до Воткинска, как ее смешил водитель своим говором и жалобами на скучную провинциальную жизнь, а кругом расстилались сказочные пейзажи, бескрайние зеленые поля, покрытые местами до горизонта желтым ковром рапса. На самой кромке поля стоял дремучий корявый лес. А когда проезжали высокий берег, виднелась внизу голубая змейка реки. Какая скука может быть на фоне такой красоты! Это же не серый Питер, где свинцовые тучи даже летом висят на шпильях Петропавловской крепости, закрывая от людей солнце, как в сказке Чуковского.

Закончили обед короткой молитвой. Елена стояла сзади и наблюдала за остальными. Перекрестилась один раз. Затем, душевно поблагодарив кухарку, все вернулись к работе. Николай Петрович предложил Елене побыть вместе со всеми, пока идет роспись. Для нее поставили

стул в центре зала, чтобы не мешать художникам. Девушка села и принялась строчить в телефон, объяснив, что она делает заметки.

Изредка Елена поднимала взгляд от экрана и расспрашивала иконописцев о порядке росписи. Просила рассказать, какими красками они пишут, как подбирают цвет, как добиваются впечатления, что живопись писана одной рукой. Задавала вопросы:

— Что такое канон, как пишутся лики, ткани? Что в работе самое сложное?

Рядом разместилась с красками Даша. Несмотря на свой юный возраст, она уже много раз расписывала вместе с Николаем Петровичем храмы. Дашина рука была набита на ровных тонких линиях, девушка рисовала их быстро и без отрыва, попутно отвечая на вопросы:

— Канон – это правила. В иконописи они очень строгие. На все есть правила: разрез глаз должен быть миндалевидный, зрачок посередине, а под ним виден белок – так добиваешься глубокого отрешенного взгляда. Важно куда младенец смотрит, на Богородицу или на молящегося – бывает и так, и так, все от цели и самой иконы зависит. Когда старика рисуем, важно помнить, где и какие морщины должны быть, нос с горбинкой или без, какой длины. По длине носа у Спасителя можно даже иконописную школу определить! У белорусов всегда на иконах нос длинный. А у украинцев краски на иконах праздничные, яркие. В разных школах даже складки на одеждах по-разному пишутся. А еще есть иконы с Афона. Те, в отличие от греческого письма, написаны в классическом стиле – так бы светский художник написал. Но при этом лики получались у тамошних мастеров молитвенные. Это потому, что сами иконописцы такие были. Одну икону могли несколько лет писать.

Самое сложное – расписывать купол. Трудно в первую очередь физически. Лежишь на лесах, руки часами вверх вытянуты, краска на лицо капает. И отдохнуть невозможно: в полный рост наверху не встанешь. А если встанешь, то рисовать приходится, откинув голову назад, шея быстро устает.

Ну и самое главное, писать образ должен человек верующий. Тогда сам Дух Святой его рукою водит. И это правда. От нас мало что зависит, когда мы иконы пишем: души наши трудничают в это время. Поэтому настоящие иконописцы свои работы не подписывают: не их это собственность – Бога!

— А много ли платят?

— Достаточно. Если работать каждый рабочий день полную смену, за месяц можно около тридцати тысяч заработать. Когда большой заказ – например, полная роспись храма, – артель миллион и больше зарабатывает. Но и работы тогда получается на несколько месяцев и на десяток людей. Больше тридцати только мастера получают, которые лики пишут.

— И вас это устраивает? – удивилась Елена.

Дашины слова были Елене не понятны и даже смешны. В том мире, откуда она пришла, деньги решали все. Ее брат с утра до ночи пропадал на работе, изредка даже ночуя там перед собраниями учредителей. Но и зарабатывал он почти столько же, сколько вся артель за роспись храма, только один и за пару месяцев. Когда-то брат помогал ей деньгами. Сейчас Елена в деньгах не нуждалась, но бесплатно делать ничего бы не стала. Всем известно: время – деньги. Но эти чудесные простые люди были абсолютно не из ее мира: светлые, радостные, счастливые. Скромно, даже бедно, но чисто одетые и, судя по всему, далеко не обеспеченные, но не переживающие о необходимом, уверенные, что все сложится хорошо. Рядом с ними возникало ощущение безмятежного покоя. Елена профессиональным чутьем ощущала, что здесь можно собрать материал не на одну статью. Возможно, даже на книгу, которую она давно мечтала написать. Почему бы не попробовать начать ее сейчас, когда судьба дала ей такое удивительное место и время?

Елена всегда принимала решения быстро. Она написала редактору, что берет неделю отпуска, пообещав привезти интересный материал.

Елена Даше нравилась: внимательно слушала, расспрашивала. Незаметно они перешли на «ты». Когда разговор зашел про Володю, журналистка заметила волнение, с которым девочка произнесла его имя.

– Он тебе нравится? – заговорщицки спросила Елена.

Даша фыркнула:

– Ну вот еще!

Но по ее радостному и смущенному лицу все сразу же стало понятно.

Закончили прорисовку контура к вечеру. Из Преображенского Храма, где расписывали алтарь, вернулся Николай Петрович, который уходил туда с инспекцией. Он взглянул на работу, сделал замечания и сказал:

– Заканчиваем! Для нас готовы провести экскурсию по Храму. Пойдем наверх, посмотрим старые фрески – оригиналы 18—19 века. А после Володя обещал на колокольню нас сводить. Моем кисти, убираем краски. Сбор через десять минут.

Встретились у бокового входа в левый придел. Центральный вход в Храм был закрыт: внутри шли строительные работы по расчистке здания. Были сломаны и вынесены все перегородки, оставшиеся с советских времен, убрана мебель от старого кинотеатра, разобрана библиотека. Храм предстал в своем первозданном виде – огромное пространство с высоченным куполом и колокольной – самым высоким зданием города.

Перед входом художников встречали Владимир и отец Алексей. Диакон переоделся в светскую одежду и выглядел молодцеватым щеголем. Звонарь улыбался, шутил с девушками, на Елену старался не смотреть. Та даже в юбке и в кофте с чужого плеча бросалась в глаза строптивым видом и осанкой, ходила быстро, расправив плечи и гордо неся свою прелестную голову.

По деревянному помосту, по которому рабочие вывозили на тележках старый кирпич, вошли в здание. Расположились по центру храма на уже выровненной площадке разобранного до фундамента пола.

Отец Алексей начал свой рассказ:

– Вскоре после пуска Камско-Воткинского завода в 1759 году управитель Алексей Москвин направил епископу Казанскому Гавриилу прошение о благословлении на постройку в Воткинском заводе деревянной церкви во имя прославленного чудотворца святителя Димитрия Ростовского, чью оригинальную икону вы реставрируете для нас. Во время Пугачевского бунта церковь была сожжена, но через три года отстроена вновь. Один из ее приделов освящен во имя Благовещения Пресвятой Богородицы. В 19 веке на месте обветшавшей церкви воздвигнут каменный храм. Его стены расписали, что было редкостью для Вятской епархии. А в конце века росписи подновлены известным сарапульским живописцем Африканом Павловичем Беркутовым. В начале двадцатого века их уничтожили. Сохранились лишь небольшие фрагменты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.